

Чэнь Цзэмянь облизнул пересохшие губы и промолчал.

Лу Чжонянь вопросительно вскинул бровь:

— Что же ты замолчал?

— Молодой господин Лу, — осторожно спросил Чэнь Цзэмянь, — вам, должно быть, кажется... что моя амнезия — это какой-то вздор?

Лу Чжонянь не ответил.

По спине Чэнь Цзэмяня пробежал неприятный холодок, а на затылке зашевелились волосы.

— Пожалуй, я пойду домой и хорошенько всё обдумаю, — забормотал он. — Глядишь, через пару дней память сама и вернется.

Лу Чжонянь продолжал молчать, буравя его тяжелым, пронзительным взглядом.

Почувствовав себя кроликом под гипнотическим взглядом удава, Чэнь Цзэмянь поспешно выпалил:

— Доброй ночи, Молодой господин Лу! Всего хорошего!

Не дожидаясь ответа, он попытался шмыгнуть мимо него и дать стрекача.

Но не тут-то было. Из-за спины Лу Чжоняня выросли четверо телохранителей. Выстроившись в плотную шеренгу, они намертво перекрыли коридор.

Позади раздался тяжелый топот, и дорогу Чэнь Цзэмяню преградили еще четыре громилы.

Восемь здоровенных амбалов зажали его в тиски прямо посреди прохода. Им даже не нужно было пускать в ход кулаки — одного их грозного вида хватало, чтобы подавить любую волю к сопротивлению.

Чэнь Цзэмянь и бровью не повел, но его взгляд уже лихорадочно высматривал пути к отступлению.

Старший охраны вопросительно взглянул на Лу Чжоняня, ожидая дальнейших распоряжений.

Лу Чжонянь принял от одного из подчиненных кожаные перчатки и стал не торопясь натягивать их. Черная лайка плотно облегла длинные пальцы, а мягкая, дорогая кожа благородно поблескивала в полумраке коридора.

Чэнь Цзэмянь отступил на полшага, напрягшись всем телом.

В оригинальном романе этот жест Лу Чжоняня был культовым. Из-за патологической брезгливости он никогда не распускал кулаки просто так и всегда надевал перчатки перед тем, как кого-то проучить. Черная кожа символизировала ледяную сдержанность и аристократизм, за которыми скрывалось жестокое насилие. Этот контраст безумно нравился читателям, делая каждую подобную сцену настоящим шедевром.

Хладнокровный и рассудительный герой, даже будучи в бешенстве, не терял лица. Он неторопливо натягивал перчатки, а затем методично, с леденящей душу жестокостью превращал лицо соперника в кровавое месиво. После чего спокойно поднимался, одаривал поверженного врага презрительным, как на паршивого пса, взглядом, стягивал испачканную черную кожу, брезгливо швырял ее на пол и уходил. Градус напряжения в такие моменты зашкаливал, а фанаты книги буквально пищали от восторга.

Конечно, учитывая статус Лу Чжоняня, марать руки ему приходилось крайне редко. Оттого эти немногие эпизоды и ценились на вес золота. Он шел на крайние меры лишь тогда, когда наглец переходил все мыслимые границы и наступал на его личные табу.

Но какого черта он надевает их сейчас?!

"Что я такого сделал?"

"Я ведь и слова лишнего не проронил! С какого перепугу Лу Чжонянь решил пустить в ход кулаки? Какая из моих фраз умудрилась задеть его личные границы?!"

Чэнь Цзэмянь застыл как вкопанный.

"Отмена! Отмена! Вернуть всё назад!"

Он мысленно яростно колотил по клавишам Ctrl+Z.

Лу Чжонянь, явно довольный произведенным эффектом, сухо обронил:

— Ну так что, теперь я могу тебя задерживать?

Чэнь Цзэмянь среагировал мгновенно — резко развернулся и рванул в противоположную сторону.

Но Лу Чжонянь оказался быстрее. Он молниеносным движением цапнул беглеца за шиворот.

Чэнь Цзэмянь не растерялся. Не раздумывая, он схватился за подол собственной куртки,

вознамерившись устроить эффектное «бегство цикады» — сбросить верхнюю одежду и выскользнуть из захвата.

Задравшаяся ткань обнажила узкую, подтянутую талию; кожа парня была такой белой, словно излучала мягкое сияние.

Лу Чжонянь резко дернул ворот назад, а затем, упреждая маневр, перехватил парня за шею.

"Это еще что за захваты?"

Едва эта мысль пронеслась в голове Чэнь Цзэмянь, как он уклонился, уводя голову в сторону. Но Лу Чжонянь тут же перехватил его запястье. Чэнь Цзэмянь среагировал на рефлекс: резко выкрутил руку по ходу движения и надавил на уязвимую точку у основания большого пальца соперника.

Лу Чжонянь поморщился от внезапной вспышки боли и негромко позвал:

— Чэнь Чжэ.

Поняв, что его раскрыли, Чэнь Цзэмянь тут же ослабил хватку.

— Если я захочу уйти, ты меня не удержишь, — спокойно предупредил он.

— Пересилить меня ты, может, и сможешь, но я чертовски уверен, что ты не посмеешь ударить меня. — Лу Чжонянь резко притянул его к себе почти вплотную. — Так что у тебя нет выбора. Придется подчиниться.

Чэнь Цзэмянь действительно обладал отличной боевой подготовкой, и обычные охранники вряд ли смогли бы его скрутить. Но Лу Чжонянь полез в драку сам вовсе не потому, что превосходил его в силе. Он просто нагло пользовался тем, что Чэнь Цзэмянь ни при каких обстоятельствах не рискнет ударить наследника влиятельного клана.

Осознав всю циничность этой логики, Чэнь Цзэмянь опешил. Он никак не ожидал от благородного Лу Чжоняня столь откровенного и дешевого шантажа. Какой беспардонный наглец.

"Да неужели это и впрямь тот самый Лу Чжонянь? — крутилось в голове у Чэнь Цзэмяня, пока его вели под локотки к машине. — Книжный Лу Чжонянь всегда держался с безупречным достоинством. Разве мог этот высокомерный сноб опуститься до столь абсурдного трюка — прикрываться собственной неприкосновенностью как щитом?"

Лу Чжонянь, уже вальяжно расположившийся на заднем сиденье представительского минивэна, невозмутимо поинтересовался:

— Тебе паспорт показать?

— Не надо, — Чэнь Цзэмянь со вздохом откинулся на спинку соседнего кресла, признавая поражение. — Куда мы едем?

— Раз уж у тебя отбило память из-за «внутренних повреждений», логично показать тебя врачам. Обследуем твою голову.

В душе у Чэнь Цзэмяня затеплилась робкая надежда:

— И если обследования ничего не покажут, ты меняпустишь?

Лу Чжонянь окинул его скептическим взглядом:

— Амнезия сама по себе — уже огромная патология. Как это может быть «без проблем»?

Понимая, что его легенда трещит по швам и Лу Чжонянь явно что-то подозревает, Чэнь Цзэмянь упрямо гнул свое:

— Ну а если анализы и снимки будут идеальными? Что тогда?

— Значит, будем искать дальше, пока не найдем причину, — безразличным тоном отозвался Лу Чжонянь. — А до тех пор поживешь в палате. Не волнуйся, я приставлю к тебе охрану для твоей же безопасности.

После этих слов надежда Чэнь Цзэмяня окончательно испустила дух. «Охрана», как же. Самый настоящий конвой.

— Это ущемление моих гражданских прав и незаконное лишение свободы, — глухо процедил он.

Лу Чжонянь снисходительно кивнул:

— Без проблем. Можешь вызвать полицию.

—.....

Чэнь Цзэмянь онемел от такой наглости.

И это — благородный Лу Чжонянь? В книге он описывался как зрелый, рассудительный и холодный мужчина, откуда же в реальности взялось это язвительное, издевательское существо?

Характер явно не соответствовал канону, а вот внешность была точь-в-точь как на страницах романа.

Благородные черты лица, безупречно прямой нос... Мягкий янтарный свет уличных фонарей скользил по его идеальному профилю, подчеркивая точеные скулы и волевой подбородок. Во всем его облике, холодном и утонченном, сквозило высокомерие истинного аристократа, а во взгляде читалась властность, явно не соответствовавшая его столь юному возрасту.

Кажется, вживую он выглядел чуть моложе, чем представлялось при чтении.

В салоне царили идеальная чистота и приятная прохлада. Никакого навязчивого запаха дешевой кожи или бензина, никакой приторной парфюмерии — лишь едва уловимый, свежий аромат дорогого кондиционера.

Обычно после выпивки Чэнь Цзэмяня жутко укачивало, но сейчас он чувствовал себя на удивление сносно.

Водитель вел машину невероятно плавно. Мерный, едва слышный рокот мощного двигателя действовал убаюкивающе, и вскоре Чэнь Цзэмяня потянуло в сон.

Он подпер голову рукой, лениво разглядывая своего похитителя, но глаза слипались сами собой. Алкоголь окончательно затуманил разум, и парень провалился в глубокий сон без сновидений.

Лу Чжонянь повернул голову, прислушиваясь к его ровному, размеренному дыханию. Этот странный тип забавлял его всё сильнее.

Минивэн бесшумно въехал на территорию роскошного медицинского центра. Эта элитная частная клиника принадлежала семье Лу, поэтому стоило камере на въезде считать особый регистрационный номер, как уже через полминуты весь персонал — от дежурных врачей до руководства — стоял на ушах. Наследник лично пожаловал в больницу!

Машина плавно затормозила у входа в приемный покой. Легкий толчок при остановке заставил Чэнь Цзэмяня открыть глаза.

Первое, что он увидел, разлепив веки, — толпу из десятка врачей и медсестер во главе с дежурным заведующим. Все они преданно заглядывали в окна автомобиля с таким видом, будто внутри находился пациент при смерти, борющийся за каждую секунду жизни.

Как только шофер распахнул дверцу, к машине подскочили расторопные медсестры и с поразительным рвением попытались переложить ошарашенного парня на каталку.

Чэнь Цзэмяню пришлось трижды повторить: «Я сам! Я могу идти!» — прежде чем ему удалось

вырвать свои многострадальные руки из цепких объятий заботливого медперсонала.

Впрочем, отстоять независимость до конца не вышло. Его тут же взяли в плотное кольцо эскулапов и увлекли вглубь сияющего чистотой холла. В течение следующего часа парня гоняли по кабинетам как сидорову козу: у него взяли, кажется, ведро крови, просветили на рентгене, сделали КТ и МРТ всего тела. Дело шло к тому, что его заставят сдавать пункцию спинного мозга, чтобы исключить скрытый менингит.

Чэнь Цзэмянь безучастно лежал на кушетке в смотровой, созерцая потолок, когда из-за полуоткрытой двери донесся вкрадчивый, поистине дьявольский голос Лу Чжоняня:

— Снижение когнитивных функций часто указывает на поражение мозговых оболочек. Сделайте ему люмбальную пункцию.

Против воли молодого хозяина клиники никто спорить не посмел. Дежурный врач в сопровождении ассистентки незамедлительно вошел в палату и велел Чэнь Цзэмяню повернуться на бок, подтянуть колени к подбородку и замереть.

Медсестра с профессиональной невозмутимостью извлекла из стерильного пакета иглу для пункций. Она была пугающе длинной — не меньше двенадцати сантиметров — и толстой, с четкими черными делениями на металле. В безжалостном свете бестеновой лампы стальное острие сверкнуло зловещим холодным блеском.

Хмель из головы Чэнь Цзэмяня вымело в ту же секунду. Сдать кровь или полежать в томографе — это полбеды, но позволить вогнать себе в позвоночник этот гарпун?! Ну уж нет, увольте!

Он лихорадочно соскочил с кушетки на пол и во весь голос завопил:

— Лу Чжонянь! Лу Чжонянь!

Тот выдержал издевательскую паузу и соизволил войти в смотровую лишь после того, как его имя прокричали раз пять.

— В чем дело? — невозмутимо спросил он, остановившись в дверях.

Чэнь Цзэмянь, ловко увернувшись от опешивших медиков, бросился к нему и мертвой хваткой вцепился в рукав пиджака.

— Я виноват! Молодой господин Лу, я кругом виноват! Пощадите! Только не пункция, умоляю, это же адски больно!

В глубине глаз Лу Чжоняня промелькнула едва заметная лукавая искорка:

— И в чем же твоя вина?

— Во всем! Абсолютно во всем! Я здоров как бык, клянусь вам! Пожалуйста, велите им прекратить эти пытки!

Лу Чжонянь опустил взгляд на его судорожно сжатые пальцы и усмехнулся:

— Так быстро сдался? А я-то думал, ты парень с характером, и выдержишься хотя бы до колоноскопии или бронхоскопии.

"Что?! Еще и бронхоскопия с колоноскопией?!"

Да этот парень просто садист! Человеческие дыхательные пути невероятно чувствительны. Стоит случайно глотнуть каплю воды — и тебя разрывает от кашля. А тут в легкие собираются запихнуть гибкий шланг с камерой! Ощущения в стократ хуже обычного удушья: ты даже откашляться не можешь, пока прибор медленно продвигается глубже, царапая нежную слизистую. Такое издевательство имитирует агонию утопленника и способно свести с ума любого здорового человека.

Перед лицом подобных медицинских экзекуций пасовали даже самые стойкие мученики.

Чэнь Цзэмянь капитулировал мгновенно и безоговорочно. Он еще крепче сжал чужой рукав, словно утопающий, ухватившийся за спасительную соломинку:

— У меня нет ни капли гордости! Клянусь, я буду тише воды, ниже травы!

Лу Чжонянь красноречиво скосился на свое плечо:

— Руку убери.

Вспомнив о легендарной брезгливости молодого господина, Чэнь Цзэмянь тут же отпрянул. Выхватив со стерильного столика спиртовую салфетку, он принялся усердно и картинно стирать невидимые пылинки с ткани дорогого пиджака там, где только что держался.

Лу Чжонянь милостиво кивнул, удовлетворенный такой покорностью.

Чэнь Цзэмянь мысленно сжал кулаки.

"Не вечно мне терпеть обиды, наступит день — и ты у меня попляшешь!"

Только это помогло ему сдержать дикое желание с разбегу боднуть Лу Чжоняня лбом прямо в его безупречный, холеный нос, чтобы навсегда стереть с этого лица самодовольную ухмылку.

Наблюдая за этим напускным послушанием, за которым явно скрывалось бешеное упрямство, Лу Чжонянь поймал себя на мысли, что испытывает странный, давно забытый азарт. Это

мимолетное развлечение будоражило кровь сильнее любого экстремального спорта.

С самого детства Лу Чжонянь получал всё, что желал, по первому же щелчку пальцев. Но доступность лишала вещи всякой ценности, делая жизнь пресной и скучной. Его существование, сотканное из бесконечных привилегий, напоминало величественную дворцовую симфонию — безупречно выстроенную, помпезную, но до тошноты предсказуемую и монотонную.

Дни тянулись чередой серых будней, и Лу Чжонянь мог без труда расписать свое будущее на пятьдесят лет вперед. Всё было решено за него. И вдруг в этой заезженной пластинке раздался фальшивый, дерзкий аккорд, ломающий весь привычный ритм.

По всем правилам приличия, наследнику клана следовало проигнорировать досадную помеху или просто убрать ее со своего пути. Но этот фальшивый «Чэнь Чжэ» был слишком... живым. Он так отчаянно цеплялся за свободу, буквально фонтанировал эмоциями и силой. На фоне унылого окружения Лу Чжоняня он казался единственным настоящим человеком среди бездушных манекенов.

Подумать только: стоило лишь припугнуть его какой-то иглой, как беглец растерял весь свой гонор, закричал на всю клинику и с несчастным видом вцепился в рукав, моля о пощаде. В ту секунду Лу Чжонянь испытал такой мощный прилив адреналина, какого не приносили ни прыжки с парашютом, ни роупджампинг.

Он всегда считал себя человеком строгих моральных принципов, чьи внутренние ориентиры находились куда выше средних показателей светского общества. Лу Чжонянь презирал дешевое самоутверждение за чужой счет. Будь его склонности столь примитивны, он еще в средних классах школы прослыл бы грозой района и задира одноклассников.

Так почему же издевательства над этим парнем приносят ему такое странное удовольствие? Почему именно он? Почему ни один другой человек в мире никогда не вызывал в нем подобных чувств?

Немного поразмыслив, Лу Чжонянь пришел к единственному логичному выводу: его собственной вины тут нет. Всё дело в самом Чэнь Чжэ. Это он во всем виноват.

<http://bllate.org/book/19805/2007256>